

<БЕЗ ПОДПИСИ>

Крах анархизма

Письмо в редакцию¹

К анархизму я примкнул в конце 1906 г., пробыв перед тем два года и рядах рабочей социал-демократической большевистской организации. Лишь в 1931 г., после 25 летнего активного участия в русском и заграничном анархическом движении, я заявил о своем разрыве с анархизмом и о возвращении в лоно большевизма.

Почему именно в 1931 г., а не в 1917–18 гг.?

Макс Неттлау, знаменитый историограф анархизма, в своей статье — «Возвращение П. Аршинова домой» пишет по этому поводу: «Я считаю Аршинова одним из тех, кто никогда не был анархистом, кто пришел в наши ряды в 1906 г, когда широкая революция, рабочая борьба анархистов-террористов привлекала его больше, чем рассчитанная и дисциплинированная тактика большевистской партии, к которой он принадлежал. По той или иной причине, он упустил вернуться к большевикам в 1917 г., когда он уже видел их материальные успехи и когда анархисты были устранены. Он возвращается к ним в 1931 г., и единственные слова, которые можно сказать ему теперь, таковы: «счастливого пути». («Пробуждение» № 23–27, Детройт, Сев. Америка).

Факт моего ухода от анархизма в 1931 г., а не раньше и не позже, объясняется тем обстоятельством, что лишь к этому времени я *исчерпал себя как анархист*. Опыт и анализ *русских* революций 1905–1907 гг. и 1917 г., революций в *Италии, Германии* и, наконец, в *Испании* привели меня к непреклонному убеждению в несостоятельности и банкротстве анархических методов и анархических теорий в революции.

В революции 1905–07 гг. анархисты выступили против «программы минимум» социал-демократии, противопоставив ей «программу максимум», борьбу за анархическую коммуну. На деле же борьба эта превратилась в ряд мелких террористических актов и экспроприаций. Последние привлекли в ряды анархистов массу темного элемента, не имевшего ничего общего ни с социалистической идеей, ни с революцией. Но даже лучший элемент из революционных рабочих анархические руководители, безответственные и политически невежественные, преступным образом израсходовали на мелкие террористические акты и экспроприации.

Тяжелый опыт революции 1905–1907 гг. немногому научил русских анархистов. В событиях 1917 г. они совсем не заметили происшедших классовых сдвигов. Они не заметили, что большевизм явился тем кристаллизационным пунктом, к которому стеклись все подлинно — революционные силы рабочего класса и крестьянства. Ослепленные своей мистической идеей безгосударственности (безгосударственность *всегда* и при *всяких* обстоятельствах!), они не поняли важнейших моментов русской революции: апрельских тезисов Ленина в 1917 г., его учения о государстве и революции и, наконец, самого Октябрьского переворота с провозглашением диктатуры пролетариата.

Могучему потоку социалистической революции, развивавшейся под руководством коммунистической партии, они пытались противопоставить свою мертвую догму и свой ребяческий план и, конечно ничего вразумительного не противопоставили.

Даже такое здоровое вначале партизанское движение, как революционное повстанчество на Украине, под влиянием анархистов переродилось, *в известной своей части*, в трагикомический фарс *махновщины*. Больше того, поскольку анархисты пытались превратить это движение в оппозицию советской власти, в плацдармы для своих экспериментов, оно неминуемо становилось *контрреволюционным*, подрывающим мощь русской революции, *кулацким*, резко собственническим по своему социально-классовому существу и своему общественному значению.

Оказавшись банкротом в русской революции, русские анархисты стали указывать на Западную Европу, где анархисты представляют, мол, большую политическую и революционную силу. Но вот в *Италии* в 1920 г. анархисты применили свою тактику в большом масштабе: им удалось повлиять на часть

восставших рабочих и направить борьбу под лозунгом: захват экономики *без* захвата власти. И что же? Фабрики в ряде районов рабочие захватили, но государственную власть оставили нетронутой в руках буржуазии. Последняя воспользовалась этим столь превосходным для нее положением и направила всю силу своего государственного аппарата против повстанческих районов. Движение было задушено, а через полтора года буржуазия ввела фашизм, которым придавила все живое и революционное в рабочем классе. На кровавом опыте итальянский пролетариат убедился в том, что значит *игра в безвластие* во время революции. Несомненно, на следующем этапе своей борьбы он решительно отбросит в сторону анархические рецепты безвластия и пойдет путем *диктатуры пролетариата*, единственно спасительным для него.

Банкротство анархизма в *Испании* носит и более принципиальный, и более международный характер.

К моменту падения монархии в апреле 1931 г. анархисты стояли во главе сильнейшей рабочей организации — Национальной конфедерации труда. Притом буржуазия, перехватившая власть от монархии, была в этот момент политически очень слаба, со слабым государственным аппаратом, с сильно расстроеным хозяйством в стране. Рабочие и крестьянские массы бурно волновались, ожидая от революции дальнейших шагов, дальнейших действий. По собственной инициативе они взялись за «выкуривание» «святой инквизиции» (сожжение монастырей и церквей в мае 1931 г.), приступили к захвату помещичьих земель, к вооруженным восстаниям. В стране имелись богатейшие условия для быстрого развития революции.

Анархическое руководство — Иберийская федерация анархистов и руководители Национальной конфедерации труда в полном согласии с анархистами других стран заявляли, что они готовятся в социальной революции, но на деле были, главным образом, заняты тем, что противодействовали коммунистической пропаганде и коммунистическому движению, предостерегая рабочих против «русского опыта», против диктатуры пролетариата. В разных местах Испании они устраивали «во имя анархии» путчи, которые буржуазия без особого труда подавляла, постепенно укрепляя свою политическую и государственную власть.

Борясь за безвластие и выступая одновременно *против диктатуры пролетариата*, против захвата власти рабочим классом,

анархисты оказывались безвластниками в том смысле, что *оставляли ее в руках буржуазии*, тем самым содействуя укреплению последней и играя на руку кровавой контрреволюции. Таковы неизбежные и естественные продукты анархической теории безгосударственности и анархического метода безвластия.

Те из анархистов, которые хранили в себе революционную искру, должны были искать выхода. *Он не мог быть ни в чем иным для меня, кроме как в большевизме.*

Большевизм сконцентрировал в себе все сильные боевые стороны революционного класса: он обобщил опыт борьбы международного пролетариата, сформулировал его главнейшие требования и устремления и решительно повел его в наступление на штурм капиталистического мира. Благодаря гениальному руководству компартии ко главе с Лениным штурм удался на славу. Враг трудящихся разбит вдребезги. От капитализма в России не осталось камня на камне. Под неослабевающим руководством ВКП (б) во главе с ее общепризнанным вождем т. Сталиным социализм в СССР строится, идет вперед семимильными шагами. Это столь очевидная и вместе с тем огромная истина, что непонятным кажется, как можно было не видеть ее с самого начала.

Порывая окончательно с анархизмом и приходя к большевизму, я считаю своим долгом обратиться к тем анархистам, в частности к западноевропейским, которые продолжают идти гибельным путем прошлого. Неужели вы не видите, что наша эпоха — эпоха империалистических войн и пролетарских революций — произвела решительную переоценку многих ценностей, в особенности анархических?

Пророческие слова *Ленина* о том, что буржуазия ни за что, ни при каких условиях не помирится с потерей своих привилегий и монополий и что только беспощадное подавление ее железной рукой пролетариата, *только диктатура пролетариата* способна сломить ее сопротивление и спасти революцию, *сбылись полностью.*

Протекшие со времени Октябрьской революции 17 лет наполнены многочисленными, сложными и искусными заговорами русского и международного капитала против русской революции. Русский пролетариат и крестьянство давно были бы сброшены в пропасть самой черной реакции, если бы с первых дней победы они не создали государственной организации *подавления буржуазии и защиты революции* — систему *диктатуры пролетариата.*

С другой стороны, революционное движение рабочих и крестьян в капиталистических странах неизменно разбивается и подавляется буржуазией ввиду его раздробленности, ввиду недостаточно твердого и единого руководства массовым движением со стороны революционной партии пролетариата.

Вопрос о диктатуре пролетариата, о революционной партии пролетариата является *самым важным вопросом для трудящихся капиталистических стран*. И каждый пролетарский революционер должен вновь и вновь внимательно изучить этот вопрос в свете опыта нашей эпохи.

20-летний период войн и революций показал, что только при наличии твердой, строго централизованной, революционной партии пролетариата, беспощадной ко всякого рода оппортунизму, рабочий класс может вылезти из трясины империалистических войн из капиталистической кабалы разбить государственную машину эксплуататоров, сломить их сопротивление и создать необходимые условия для построения бесклассового социалистического общества. Такой партией является коммунистическая партия большевиков, ставшая с 1931 г. знаменем моей политической борьбы. Это — идеал организованности победоносного пролетариата.

